

УДК 1(091)

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248

**Нигилизм по отношению к культурному наследству.
Обращения Г.Д. Гачева к руководителям ЦК КПСС
в связи с санкциями
после издания «Сочинений» Н.Ф. Федорова
в серии «Философское наследие»**

Черняев А.В.

Институт проблем передачи информации РАН,
Россия, 127051, Москва, Б. Каретный п., д. 19, стр. 1
chernyaevphd@gmail.com

Аннотация. Публикация книги «Сочинения» Николая Федорова в составе академической серии (библиотеки) «Философское наследие» в 1982 году явилась знаковым и резонансным событием в масштабах науки, культуры, общества и государства позднего советского периода. В числе документов, связанных с историей федоровского проекта, значительный интерес представляют обращения Георгия Гачева, направленные в январе 1983 г. на имя руководителей ЦК КПСС. Эти письма относятся к числу важнейших источников, проливающих свет на обстоятельства и последствия издания книги Федорова в СССР. В связи с этим на основе архивных материалов вводятся в научный оборот тексты обращений Гачева к генеральному секретарю ЦК Юрию Андропову и заведующему отделом науки ЦК Сергею Трапезникову.

Ключевые слова: русская философия, советская философия, «Философское наследие», Николай Федоров, Георгий Гачев, Юрий Андропов, Сергей Трапезников, Семен Микулинский

Для цитирования: Черняев А.В. 2025. Нигилизм по отношению к культурному наследству. Обращения Г.Д. Гачева к руководителям ЦК КПСС в связи с санкциями после издания «Сочинений» Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие». *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 228–248. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248

**Nihilism in Relation to Cultural Heritage.
Appeals by Georgy Gachev to the Leaders
of the Central Committee of the CPSU in Connection with Sanctions
Following the Publication of Nikolai Fedorov's "Works"
in the "Philosophical Heritage" Series**

Anatoly V. Chernyaev

The Institute for Information Transmission Problems RAS
19, build.1 Bolshoy Karetny lane, Moscow 127051, Russian Federation
chernyaevphd@gmail.com

Abstract. The publication of the book "Writings" by Nikolai Fedorov as part of the academic series (library) "Philosophical Heritage" in 1982 was a landmark and resonant event on the scale of science, culture, society and the state of the late Soviet period. The release of Fedorov's book was accompanied by a large-scale information campaign, which included a whole series of publications, most of which

implemented a single ideological program; many of them were written by philologist Svetlana Semenova, who also carried out the full volume of work on the scientific preparation of the book publication. This set of ideas and events can be designated as Fedorov's Soviet project. The initiators, executors and high-ranking patrons of this project belonged to the so-called "Russian party" and advocated the vector of development of the USSR as a great power, the successor of historical Russia, based on the revival of classical Russian culture and traditional values, the corresponding rethinking of the spiritual and historical mission of the country. Among the documents related to the history of the Fedorov project, of considerable interest are the appeals to the leaders of the Central Committee of the CPSU sent in January 1983 by Svetlana Semenova's husband, philologist Georgy Gachev. In terms of content, these letters are among the most important sources shedding light on the circumstances and consequences of the publication of Fedorov's book in the USSR. Based on archival materials, the author introduces into scientific circulation the texts of Gachev's appeals to Yuri Andropov, General Secretary of the Central Committee, and Sergei Trapeznikov, head of the Science Department of the Central Committee.

Keywords: Russian philosophy, Soviet philosophy, "Philosophical Heritage", Nikolai Fedorov, Georgy Gachev, Yuri Andropov, Sergei Trapeznikov, Semyon Mikulinsky

For citation: Chernyaev A.V. 2025. Nihilism in Relation to Cultural Heritage. Appeals by Georgy Gachev to the Leaders of the Central Committee of the CPSU in Connection with Sanctions Following the Publication of Nikolai Fedorov's "Works" in the "Philosophical Heritage" Series. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 228–248 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248

Введение

Состоявшаяся в 1982 году публикация книги «Сочинения» Николая Федорова в составе серии «Философское наследие» [Федоров, 1982] стала резонансным событием как в истории отечественного философского книгоиздания, так и в целом для науки, культуры, общества и государства позднего советского периода. На исходе эпохи, получившей едва ли справедливое наименование «застоя», задолго до начала процесса возвращения широкому читателю трудов русских религиозных философов, в авторитетной академической серии массовым тиражом были опубликованы тексты мыслителя, не только далекого от «ортодоксальной» для СССР революционно-демократической и материалистической философской традиции, но и прямо выступавшего с критикой теории социализма. Вскоре после выпуска книги грянул гром: были проведены оперативные совещания в Центральном комитете КПСС и Президиуме Академии наук СССР, по результатам которых опубликованы разгромные рецензии и сделаны суровые оргвыводы.

Исследования, проведенные нами на основе изучения документов из архивов ЦК КПСС (РГАНИ) и Академии наук СССР (РАН) [Черняев, 2024а; Черняев, 2024б; Черняев, 2024с; Черняев, 2024д], позволили прийти к заключению, что драматические коллизии, сопровождавшие публикацию книги Федорова, явились отражением фундаментальной идеологической конфронтации между группами политической и духовной элиты СССР, представители которых отстаивали конкурирующие проекты будущего страны накануне предстоящей смены власти (в итоге оказавшейся не в пользу организаторов издания «Сочинений» Федорова). В свою очередь, книга Федорова должна была дать старт изданию в серии «Философское наследие» целого ряда трудов русских мыслителей немарксистской направленности – такой издательский план был анонсирован Арсением Гулыгой уже вскоре после его назначения заместителем председателя редакционной коллегии данной серии. Инициаторы, исполнители и высокопоставленные покровители этого проекта принадлежали к так называемой русской партии и выступали за вектор развития СССР как великой державы – преемника исторической России на основе возрождения классической русской культуры и традиционных ценностей, соответствующего переосмысления духовно-исторической миссии страны.

Выход книги Федорова не был единичным актом: его сопровождала масштабная информационная кампания, включавшая внушительную серию публикаций различных авторов («от философов – до литературоведов и искусствоведов» (Отдел науки, л. 90), которые выходили не только в научных, но также в литературно-художественных, справочно-энциклопедических изданиях и центральных газетах и были посвящены личности русского мыслителя, историческому значению и актуальности его идейного наследия. Большинство данных публикаций можно рассматривать как последовательную реализацию целостной идейной программы; автором значительного их числа выступила Светлана Семенова, которая также выполнила полный объем научной работы по подготовке книги Федорова к публикации в серии «Философское наследие», включая написание вступительной статьи и комментариев [Федоров, 1982]. Указанный комплекс идей и мероприятий может быть обозначен как советский федоровский проект.

Документы Г.Д. Гачева и В.С. Борисова из архива ЦК КПСС: содержание и контекст

В числе документов, связанных с подготовкой публикации книги Федорова, а также с реакцией на ее появление, значительный интерес представляют обращения, направленные в январе 1983 г. на имя руководителей ЦК КПСС кандидатом филологических наук Георгием Дмитриевичем Гачевым (1929–2008) – супругом Светланы Семеновой. Эти письма относятся к числу важнейших источников, проливающих свет на обстоятельства, связанные с рассматриваемой историей. В архивном деле содержатся обращения Гачева, адресованные генеральному секретарю ЦК КПСС Юрию Андропову и заведующему отделом науки и учебных заведений ЦК Сергею Трапезникову (копия – заведующему отделом пропаганды ЦК Борису Стукалину), а также обращение к Трапезникову общественного активиста Валерия Борисова и справка ЦК по итогам проверки, проведенной по данным обращениям, подписанная заместителем Трапезникова Рудольфом Яновским.

В многостраничных обращениях Гачева уделяется внимание как общетеоретическим – научным и идеологическим, так и практическим вопросам научно-корпоративных и трудовых отношений. В частности, ведется речь о характере учения Федорова и его современном значении, в связи с чем излагаются контраргументы, призванные дезавуировать резко критический отзыв на книгу Федорова «Так ли надо относиться к наследству?», опубликованный Семеном Микулинским в центральном научном журнале «Вопросы философии» в декабре 1982 г. [Микулинский, 1982]; наряду с этим подвергаются критике методы работы в научных организациях и журналах, где используются административные ресурсы для реализации самоуправной научной, редакционной и кадровой политики. Адресованный Андропову текст Гачева сравнительно компактен, лаконичен и сосредоточен на политико-идеологических аспектах проблемы, а текст, направленный Трапезникову – более развернут и насыщен деталями; при этом между указанными документами имеется ряд текстуальных совпадений.

Если попытаться редуцировать практическое значение содержательно широких обращений Гачева к руководителям ЦК, то, на наш взгляд, главная интенция этих текстов заключается в стремлении автора заступиться за людей, которые пострадали в результате санкций, последовавших после издания книги Федорова. В частности, Гачев ходатайствует о своей супруге Светлане Семеновой, которая, оставив работу в вузе, где заведовала кафедрой, 10 лет посвятила изучению наследия этого философа, подготовила к защите докторскую диссертацию и сдала в издательство рукопись книги о нем, однако после произошедшего реализация этих начинаний оказалась под угрозой, как и перспективы дальнейшей научной и творческой деятельности Семеновой. Также Гачев требует разобраться и принять меры по ситуации в Институте истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ), несколько сотрудников которого подверглись

административному преследованию со стороны директора Института Микулинского за то, что в 1981 году дали положительное заключение на запрос Госкомпиздата о целесообразности публикации книги Федорова (А.В. Ахутин, П.П. Гайдено, Б.Г. Кузнецов, А.П. Огурцов, В.Л. Рабинович).

Документы Гачева дополняет обращение в ЦК на четырех листах Валерия Борисова, – автора посвященной Федорову публикации 1979 года «Идеальный библиотекарь» [Борисов, 1979]. Местонахождение, как и само содержание этого документа, позволяет предполагать, что обращения Борисова и Гачева в ЦК явились согласованными единовременными акциями, а их авторы проводили общую линию; при этом в тексте Борисова содержится ряд дополняющих Гачева тезисов, и он представляет самостоятельный интерес. В начале обращения отмечается символичность того факта, что именно «в год славного юбилея – 60-летия образования СССР» состоялась публикация «сочинений русского мыслителя Н.Ф. Федорова, мечтавшего о братском союзе народов, который должна создать Россия» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 103). Вряд ли это только лишь риторическая формула: если учитывать политико-идеологический контекст издания книги и развернувшейся вокруг нее борьбы, данное утверждение может быть прочитано как манифест сторонников сохранения СССР при усилении роли России и русской культуры.

Следующий тезис Борисова не менее значим. «Мне, – пишет он, – особенно близок Федоров как философ памяти; его идеи об Отечествеведении, Музее, охране памятников истории и культуры, охраны кладбищ и могил, уважения и почитания их, раскрывает особый глубокий смысл моих профессиональных занятий как искусствоведа, краеведа, экскурсовода» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 103). Такое акцентирование мемориальной темы и упоминание об «охране памятников истории и культуры» напрямую отсылают к идейной платформе основанного в 1966 году Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) – широкого общественного движения, у руля которого стояли советские интеллектуалы почвеннического и консервативного направления, сторонники так называемой русской партии [Митрохин, 2003; Байгушев, 2006]. В связи с этим необходимо отметить, что федоровский проект рубежа 1970–1980-х гг. реализовывался при поддержке ВООПИК, в частности, на базе региональных отделений этого Общества, начиная с 1978 года, ежегодно проводились общедоступные лекции, посвященные жизни и творчеству Федорова [Hagemeister, 1989, s. 2].

И если деятельность консервативных представителей «русской партии» разворачивалась под знаком сохранения и возрождения национального духовно-культурного наследия, исторических достижений государственного строительства в нашей стране, то проект их политических оппонентов, напротив, предполагал радикальное реформирование всего советского уклада с опорой на западные социально-культурные идеи и стандарты. С точки зрения советских почвенников, такая программа представляла прямую угрозу для исторической памяти народа, яркое проявление чего Борисов с «негодованием» усматривает в «кошунственной» рецензии на книгу Федорова, опубликованной Микулинским, по словам которого, от страниц этой книги якобы исходит «кладбищенский тлен и мертвящий дух» [Микулинский 1982, с. 156]. Обрушиваясь на это утверждение, Борисов напоминает «слова Пушкина о любви к родному пепелищу и “любви к отеческим гробам”, лежащие в основании любой нации и культуры! Если следовать логике рецензента, тогда долой слова Пушкина, а от мавзолея Ленина на Красной площади, могилы Неизвестного солдата в Александровском саду, братских захоронений героев Отечественных войн, Новодевичьего кладбища и других священных для всех людей мест покоя наших отцов и предков должно нести тем же духом и надо запретить любить эти священные места. Какое кошунство!» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 103).

Инвектива Микулинского по поводу «мертвящего духа», который будто бы «веет» от страниц Федорова, на которых ведется речь о кладбищах, нашла отражение и в обращении Гачева к Андропову: «Как можно так кощунствовать над святыми чувствами к умершим, павшим, что глубоко укоренены в сердцах, в традициях народа, среди которого живешь? Тогда на могиле Неизвестного солдата он ничего не почувствует, кроме “кладбищенского тлена и мертвящего духа”!» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 91). При однотипности аргументации, построенной на апеллировании к чувству благоговения перед могилами героев, формулировка Борисова более емкая, ибо включает перечисление священных памятных мест, возникших в разные периоды истории Отечества – как советского, так и дореволюционного. Тем самым национальные святыни всех времен, связанные с захоронениями героев, утверждаются как непреходящая основа для исторической памяти народа и духовного единства страны, а философия Федорова раскрывается как перспективный теоретический ресурс для осмысления и обоснования этих вещей. Тот факт, что «кладбищенский» сюжет оказался в центре внимания и Гачева, и Борисова в их обращениях в ЦК, может означать, что попытка реактуализации мемориальной темы как фактора духовного конституирования социально-государственного целого составляла один из главных посылов федоровского проекта.

Основная часть письма Борисова посвящена указаниям на допущенные рецензентом подтасовки и фальсификации: «статья Микулинского отличается полным отсутствием логики, в ней много ошибок, и особенно удивительно принципиальное стремление исказить и принизить Федорова, видимо, в надежде, что никто не додумается проверить автора рецензии» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 104). На ряде примеров Борисов демонстрирует «неосведомленность и некомпетентность» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 105) рецензента, а также его «предвзятость и недобросовестность» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 106). И, в частности, это касается вопроса об отношении к Федорову Максима Горького: автор обращения в ЦК показывает, что выводы исследований литературоведа Станислава Сухих, на которого ссылается в обоснование своего утверждения Микулинский, противоположны тому, что ему приписывается. В связи с этим Борисов выступает с предложением «провести печатную серьезную научную дискуссию по поводу вышедшего тома и рецензии С.Р. Микулинского, но с обязательным привлечением авторов, специально занимавшихся наследием Федорова», для участия в которой, по его мнению, могут быть приглашены исследователи Л.А. Коган, Н.Н. Скатов, С.И. Сухих, С.Г. Семенова, П.К. Гречко, Г.Л. Епископосов, писатели В.Е. Львов и В.А. Чивилихин, летчик-космонавт В.И. Севастьянов (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 106) – то есть авторы, писавшие о Федорове в 1970 – начале 1980-х гг. в апологетическом ключе (подробнее см.: [Черняев, 2024a]).

По факту обращений Гачева и Борисова в ЦК КПСС была проведена «проверка» и составлена справка, смысл которой сводится к тому, что все претензии заявителей следует признать безосновательными: во вступительной статье к книге Федорова и предшествовавших публикациях «не был раскрыт и всячески затушевывался реакционный консервативный характер взглядов Федорова» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 86); «без всяких на то оснований утверждается, что Федоров был предшественником и учителем К.Э. Циолковского. Вопреки прямым критическим высказываниям А.М. Горького о Федорове, ему приписывается высокая оценка взглядов Федорова» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88). Констатировалось, что в рецензии Микулинского «дана аргументированная с партийных позиций критика неумеренного восхваления и популяризации сочинений Н.Ф. Федорова» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88). Что касается ситуации с сотрудниками ИИЕТ, которые высказались в пользу издания книги, то «партийная организация и дирекция Института дали правильную, принципиальную оценку идейно-теоретическим ошибкам, допущенным отдельными сотрудниками в коллективном письме в Госкомиздат по поводу издания сочинений Н.Ф. Федорова»

(РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88). Несмотря на то, что в обращениях Гачева и Борисова была аргументированно раскрыта недостоверность ряда утверждений и логическая неубедительность выводов рецензии Микулинского, справка ЦК составлена на основе именно этого текста, а приведенные заявителями доводы в ней проигнорированы. Таким образом, получается, что главным «свидетелем защиты» оказался сам «обвиняемый». Исходя из этого в ЦК КПСС с авторами обращений была проведена разъяснительная беседа «по существу вопросов, затронутых в письмах» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88).

Автор данной справки, заместитель заведующего отделом науки ЦК Рудольф Яновский, полутора годами ранее, летом 1981 г., принимал непосредственное участие в решении вопроса об издании книги Федорова. Несмотря на то, что книга была уже набрана, полиграфический процесс был тогда приостановлен, ибо некоторые члены Отделения философии и права Академии наук выступили против издания, при том что другие ученые и представители общественности активно его поддерживали (подробнее об этом см.: [Черняев, 2024b]). В такой ситуации решение уже не могло быть принято на уровне издательства «Мысль» и даже Госкомиздата СССР, руководители которых обратились в ЦК. В итоге, как сообщается в справке ЦК «О книге Н.Ф. Федорова» (составлена 23 июля 1982 г.), 14 июля 1981 г. в Отделе науки «состоялась беседа тт. Яновского Р.Н. и Пилипенко Н.В. с членом коллегии Госкомиздата СССР т. Молдованом В.С. и директором издательства "Мысль" т. Водолагиным В.М. В ходе беседы Госкомиздату СССР и издательству был высказан ряд конкретных рекомендаций по изданию книги Федорова» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Ед. хр. 133, л. 15). Таким образом, летом 1981 г. решающую роль в успешном завершении забуксовавшего процесса издания книги русского мыслителя сыграл тот же высокопоставленный сотрудник отдела науки ЦК; не подлежит сомнению, что Яновский выполнял при этом установку своего непосредственного начальника Сергея Трапезникова, стоявшего на консервативных позициях союзника «русской партии», проектом которой являлось издание книги Федорова. К январю 1983 г., после прихода к власти в стране Юрия Андропова – жесткого оппонента советских «русистов», – политико-идеологическая конъюнктура в корне изменилась, и чиновники, пытаясь в нее вписаться, заняли противоположную позицию (подробнее об этом см.: [Черняев, 2024d]). Впрочем, это им не помогло: в том же 1983 году и Яновский, и его шеф Трапезников лишились своих постов в руководстве Отдела науки ЦК.

Характер участия Г.Д. Гачева в федоровском проекте

Задаваясь вопросом о мотивации Георгия Гачева при обращении в ЦК в сложившейся ситуации, можно предположить, что он руководствовался чувством ответственности за своих близких, друзей и коллег, которые были привлечены к деятельности по подготовке и общественной поддержке издания книги Федорова, скорее всего, не без личного участия самого Гачева. В документе на имя Трапезникова Гачев сообщает, что 20 января 1983 г. (то есть за неделю до обращения в ЦК) он выступал на открытом партийном собрании в ИИЕТ, и прилагает запись своего выступления. Этот многостраничный документ, как и сами обращения Гачева, демонстрирует высокую осведомленность автора о ситуации вокруг издания книги Федорова и его включенность в процесс как активного участника событий.

Эти тексты также свидетельствуют, что Гачев не только хорошо владел предметом, но и обладал собственным пониманием философии Федорова, развивал оригинальную и глубоко продуманную систему аргументации в пользу публикации и всяческой актуализации в СССР его идей. В частности, именно в обращении Гачева к Андропову наиболее емко сформулирована, пожалуй, главная идея всего федоровского проекта, направленного на мобилизацию наследия такого мыслителя, идейный арсенал которого

одновременно позволял бы ответить на вызовы космической эры, вписаться в существующий советский социально-культурный контекст, предложить национальную идею, послужить связующим звеном с наследием русской религиозной мысли, требующим освоения и общественной актуализации. Как раз таки этот универсализм создателя «Философии общего дела» подчеркивает Гачев: «В русской культуре не только революционные демократы с одной стороны, а с другой – сплошные реакционеры и черносотенцы: там есть такие особые, значительные явления, так сказать, “срединного” плана, как Федоров» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 91); соответственно, «пришла пора и учению Федорова сойти с полок библиотек: оно, в своем творчески-созидательном, преобразовательном пафосе, стало созвучно гуманным задачам нашего века» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 90).

Характерно, что в обращениях к руководителям ЦК Гачев демонстрирует риторические приемы, аналогичные тем, которые применялись авторами серии апологетических публикаций о Федорове 1970-х гг., составивших информационно-пропагандистскую кампанию накануне издания «Сочинений» мыслителя в серии «Философское наследие». Имеются в виду искусственные попытки продемонстрировать совместимость идей Федорова с марксистско-ленинской теорией и текущей политико-идеологической конъюнктурой, данью которой, несомненно, является характеристика Гачевым Федорова в качестве «критика насильственных методов в политике, милитаризма и войн, апостола мира и братства народов, призывающего заняться глобальными проблемами Земли, Космоса и человечества – такая фигура необычайно привлекательна и “выигрышна” для нас в современной идеологической борьбе» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 100).

Сказанное позволяет полагать, что Гачев выступал не просто в качестве общественного активиста и апологета учения Федорова; не исключено, что он был одним из главных идеологов, организаторов, а возможно, инициаторов всего федоровского проекта. Такое предположение подтверждается, в частности, сообщением Николая Гаврюшина – в ту пору коллеги Гачева по ИИЕТ и автора статьи «Воскрешение чаемое или восхищаемое?», которая была опубликована в 1983 году в ежегоднике «Богословские труды» и стала важным элементом антифедоровской информационной кампании, развернутой после выхода книги [Черняев, 2024с]; при этом статья была подписана инициалами «А.М.», которые атрибутировались главному редактору издания, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Антонию (Мельникову). По свидетельству Гаврюшина, текст его статьи был готов уже летом 1980 г., и первоначально планировалась ее публикация раньше (что могло бы помешать выходу самой книги), однако «на заседании редколлегии “Богословских трудов” осенью того же года статья была отклонена... Примерно в то же время к митрополиту Антонию приезжали С.Г. Семенова и Г.Д. Гачев, уговаривавшие его воздержаться от публикации этой статьи, о чем мне стало известно со слов владыки» [Гаврюшин, 2000, с. 211].

Таким образом, уже задолго до выхода в свет книги Федорова Гачев принимал деятельное участие в общественной популяризации наследия философа в качестве переговорщика, отстаивая перед главным редактором «Богословских трудов» профедоровскую точку зрения. Наряду с этим весьма вероятно, что именно Гачев был организатором первой научной публикации текста Николая Федорова в СССР – работы «“Фауст” Гете и народная легенда о Фаусте», которая была подготовлена Светланой Семеновой и вышла в альманахе Института мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР (ИМЛИ) «Контекст» в 1977 г.; в свою очередь, предисловие и комментарий к этому тексту стали, судя по всему, первым печатным выступлением Семеновой по федоровской тематике. До перехода в ИИЕТ Гачев свыше 10 лет проработал в ИМЛИ, снискав известность в качестве выходца «из “золотой шеренги”, из плеяды молодых ученых, оперившихся на рубеже 60-х годов в эльсберговском секторе ИМЛИТа, – вместе

с Вадимом Кожиновым, Петром Палиевским, Сергеем Бочаровым, Олегом Михайловым» [Аннинский, 1992, с. 108]. Сам Гачев впоследствии вспоминал, что его, Бочарова и Кожинова называли «“три мушкетера” теории литературы», тогда как сами они «приравнивали себя к братьям Карамазовым» [Гачев, 2000, с. 121]. Если принять во внимание, что членом редколлегии «Контекста» и заместителем директора ИМЛИ в этот период был Палиевский, а в работе над альманахом участвовал также Кожинов, вряд ли без содействия этих давних друзей и коллег Гачева состоялась бы первая федоровская публикация Семеновой, которая тогда в ИМЛИ еще не работала.

В идейно-мировоззренческом отношении характерно, что сподвижники Гачева по ИМЛИ были активистами ВООПИК – интеллектуального оплота «русской партии»: Палиевский, Кожинов, Михайлов регулярно принимали участие в заседаниях московской штаб-квартиры Общества [Байгушев, 2006]. В свою очередь, организатор издания и ответственный редактор тома Федорова в серии «Философское наследие» Арсений Гулыга также принадлежал к советским почвенникам и входил в редколлегию их главного рупора – журнала «Наш современник»; очевидно, Гачева и Семенову связывали с этими людьми не только профессиональные отношения, но и общая мировоззренческая платформа, в которую был отчетливо вписан тогда и федоровский проект. «Русофильская», антизападническая направленность проекта по актуализации наследия Федорова в СССР впоследствии найдет отражение и в печатных работах Гачева о русском мыслителе, где будут настойчиво проводиться идея, что «Федоров... вне Петербурга, сего промозглого космоса белых ночей с их шизофренией, с достоевщиной двойничества и т.п. Космос Федорова более ясен, крепок, четок... Питер, оплот западничества, атлантизма в России – чужд ему <...>. Ум Федорова – государственно ответственный: он знает, вникает в мировую геополитическую ситуацию России как континента меж океанами, дает панораму ее истории, протекавшей меж кочевым исламом и городским Западом» [Гачев, 1996, с. 104; 119].

Через несколько лет после истории с «Сочинениями» Федорова Гачев откликнется обстоятельной статьей-рецензией на выход книги еще одного воскрешенного из забвения русского самородка – Андрея Болотова, «Записки» которого были в 1986 году переизданы в СССР издательством «Современник» благодаря усилиям Гулыги [Болотов, 1986]: «память в России – отмечает в связи с этим Гачев, – в отмену Жизни (как привычка – замена счастью): откапывать приходится нам запоздало людей и культуру: как Сковороду или вот Болотова, как Федорова или Андрея Платонова» [Гачев, 1989а, с. 128]. «Болотов – важнейший для России прецедент и пример: как человек в частной жизни, в хозяйстве и в семье, и из себя может создавать базис благодатный и в экономике, и в культуре, и в нравственности. Быть – как родник, что чистою водою-душою бьет и питает субстанцию национальной целостности, “откуда ни возмись”, самородно и самотеком <...> Важно его модель поведения и матрицу рассуждения почтить как ценность и ввести в обиход» [Гачев, 1989а, с. 120; 125]. По мысли Гачева, такие фигуры, как Болотов и Федоров, составляют альтернативу навязанному революционно-демократической критикой «канону» русской литературы, герои которой – сплошь «лишние люди», оторванные от настоящего «общего дела». Рецензент выражает особую благодарность Гулыге, которому при издании Болотова, как и ранее в случае с Федоровым, удалось сохранить в печатном тексте оригинальную авторскую орфографию вопреки советским атеистическим стандартам: «дали подышать живым, незаформализованным еще русским языком, когда он свеж и чист, как в первый день творенья» [Гачев, 1989а, с. 121].

Некоторые идеи, сформулированные Гачевым в обращении к Андропову, впоследствии были использованы автором в его печатных работах о Федорове. Прежде всего, это парадоксальная мысль о высокой научно-эвристической продуктивности федоровской идеи «воскрешения предков», ибо она – «одна из тех “безумных идей”, которые, будучи положены в основание системы, позволяют по-новому объяснять

реальные факты» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 89). Данный тезис будет развернут в посвященном Федорову разделе книги Гачева «Русская дума» (1991 г.): «“Я не отрицаю, что ваша идея безумна – сказал одному ученому знаменитый физик – Но достаточно ли она безумна, чтобы быть к тому же еще и верной?”. Так вот идея Федорова – именно такова. Ее верность – не в сопоставлении с фактичностью и наличным положением “вещей” в Природе и мире Истории, а как проект: та самая верная Высшая цель, что может быть человечеством поставлена перед собой, как курс и направление... Когда Федоров вышел на эту дерзновенную цель, она стала вышкой миропонимания, с которой по-новому объясняются эпохи и события истории, ее движущие силы; и смысл искусства (как попытки “мнимого воскрешения”) и религии (культ предков), и обряд захоронений (на хранение с целью воскрешения некогдашнего), и все философские системы, и быт-обычаи народов, и психология поведения, и внутренний мир личности... При такой установке исчезает соперничество между людьми и народами в современности: по отношению к Отцу человек человеку – брат» [Гачев, 1991, с. 47].

В свою очередь, возмущенный эмоциональный пафос обращений Гачева к руководителям ЦК, наполненных указаниями на вопиюще несправедливое, «нигилистическое отношение к сложным явлениям культуры», задававшее тон проведенной «на газетно-памфлетном уровне» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 90) антифедоровской кампании середины 1980-х гг., начало которой положила публикация Микулинского, присутствует в рассказе о тех событиях, впоследствии включенном автором в книгу 1991 г.: «Когда почти через сто лет <после первого издания “Философии общего дела”> нашлась женская душа, его постигшая и воскресившая: подготовила и издала том Федорова в серии “Философское наследие” издательства “Мысль”, в 50 тыс. экз., – как постыдно ополчилась наша фарисейская идеологическая “общественность” (в 1982–1985 годах, под самый конец периода “застоя”) – на “скандал” издания сего “мракобеса”!..» [Гачев, 1991, с. 48].

Если принять во внимание персональные качества Гачева, которые видели в нем современники: «безудержность фантазии, фонтанирующий напор, заводная энергия, неистощимая изобретательность» (Лев Аннинский) [Аннинский, 1992, с. 109], то такого человека не слишком трудно представить себе одним из тех, кто мог стоять у истоков фантастически смелого и амбициозного проекта актуализации и популяризации в брежневском СССР философии Николая Федорова. И если, как вспоминает их дочь Анастасия Гачева, Светлану Семенову в семье называли «главный конструктор» [Гачева, 2018, с. 822], то ее муж и «собеседник» Георгий Гачев вполне подходил на роль как раз таки «изобретателя» подобной «ракеты».

Г.Д. Гачев и Н.Ф. Федоров: персональные коннотации

На какой почве мог развиваться особый интерес Гачева к Федорову? Возможно, личностными предпосылками для этого послужили глубокая обращенность к теме смерти и ностальгия по рано потерянному отцу. По свидетельству Виктора Визгина, – близкого друга Гачева, «Георгий и в нестарые годы думал о смерти. Однажды, в 70-е еще годы, в начале нашего знакомства, быстро переросшего в дружбу, мы гуляли в леске... В памяти о том разговоре сохранилась одна только тема – *смерть*, ее неминуемость, пожирание “жерлом вечности” всего рожденного. Как встречать ее приближение? Какие установки сознания выдвигать ей навстречу? Примерно такова была тема, на которую тогда размышлял Георгий. Я был несколько удивлен. Возраста “Смерти Ивана Ильича” Георгий в те годы еще не достиг. Запомнилась личная его вовлеченность в эту тему. Не столько даже “в тему”, сколько в саму реальность приближения смерти. Она ставила вопросы и будоражила сознание <...> Размышления Георгия питались прежде всего русскими литературными вершинами, а не современной зарубежной философией, в которой он не чувствовал себя уверенно. Зная об этом, не уставал спрашивать то о Деррида, то о Фуко,

о котором я ему много рассказывал. Но, думаю, Георгия это не слишком увлекало. Другое дело Николай Федоров» [Визгин, 2016, с. 237].

Как известно, смерть и ее преодоление – главная федоровская проблема. При этом победа над смертью мыслится создателем «Философии общего дела» радикально, путем всеобщего воскрешения предков – «отцов», память о которых не должна исчезнуть. В переживании благоговейного отношения к «отцам», глубочайшей потребности собирания и хранения любовной памяти о них – еще одно фундаментальное созвучие личного опыта Гачева с заветами русского философа. В 1980-е гг. Гачев публикует серию текстов, которые и содержательно, и даже стилистически кажутся инспирированными писаниями Федорова об «отцах»; судя по всему, эти тексты вынашивались автором по крайней мере с 1970-х, когда охваченный раздумьями о смерти Гачев искал ответов в «Философии общего дела».

Так, в интервью «Путешествие по страницам», помещенном в ежегоднике «Альманах библиофила» за 1984 год, рассказывая о своей библиотеке, Гачев постоянно возвращается мыслями «к отцу, к его значению в моей жизни <...> Моя нынешняя домашняя библиотека – это, прежде всего, его библиотека, где множество очень ценных для меня книг» [Гачев, 1984, с. 34]. «В ней много редких книг, старых – издания Academia, много книг по филологии, истории культуры, по музыке и искусству... ну и, конечно, художественная литература. Я, к сожалению, чаще транжирил, раздавал книги, нежели собирал» [Гачев, 1984, с. 40]. «С раннего детства я окупился в библиотеку отца. Помню, лет в 10-11 я составил полную ее библиографию. Это был очень важный момент в моей жизни» [Гачев, 1984, с. 36-37]. По понятным причинам, в «Альманахе библиофила» не уточнено, что составлением библиографии отцовской библиотеки Гачев занялся после того, как его отец Дмитрий Иванович Гачев (1902–1945) был в 1938 году арестован и навсегда разлучен с сыном. Таким образом Георгий, припадая к библиотеке отца, как бы вновь обретал возможность драгоценного общения с родителем через собранные им книги. В этой связи трудно не вспомнить и философа-библиотекаря Николая Федорова, посвятившего жизнь изучению книг и служению им как воплощению опыта и мудрости «отцов».

Ядро опубликованного Георгием Гачевым в 1989 году документального повествования «Воспамятование об отцах» составляют письма Дмитрия Ивановича из колымских лагерей, откуда отец чутко следил за духовным ростом своего сына: «Теперь это его главная забота, письма домой часто разрастаются в лекции-наставления: как изучать литературу, языки, музыку, как сочетать эти занятия со спортом и отдыхом. Он стремится все, что только возможно, передать сыну, как будто предчувствуя скорую смерть» [Федякин, 1990, с. 67; Гачев, 1989b]. О восстановлении «Прошлого-священного» с явными аллюзиями на Федорова Георгий Гачев пишет и в своих «Уразумениях из дневника» в том же 1989 году: «Нам... теперь предстоит воссоздать Отца, сыну родить Мать и Отца» [Ранчин, 1990, с. 258].

Показательно, что и в обращении к Андропову Гачев не может обойтись без воспоминания о своем отце, называя его «видным деятелем болгарской и советской культуры» [РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 91], чтобы вслед за этим засвидетельствовать, как, не в пример советской России, в братских странах знают и чтят наследие русских философов.

Заключение

Документы из архива ЦК КПСС, вводимые в научный оборот настоящей публикацией, относятся к числу важнейших источников, проливающих свет на обстоятельства, связанные с попыткой начала издания в СССР трудов представителей русской философии немарксистской направленности, предпринятой за несколько лет до «перестройки». Опираясь на эти тексты, мы имеем возможность более точно реконструировать развитие событий, сопряженных не только с процессом подготовки выпуска книги Николая Федорова в академической серии «Философское наследие», но и в

целом с генезисом, историей и последствиями реализации советского федоровского проекта начала 1980-х годов. Данные документальные свидетельства, оставленные непосредственными участниками происходившего, имеют также и общеисторическое значение. В частности, они позволяют лучше представить умонастроения научной и творческой интеллигенции, накануне завершения советской эпохи находившейся в поисках новой общественной парадигмы, которая была бы способна составить реальную альтернативу марксистско-ленинской идеологической догматике. Наконец, разработка истории советского федоровского проекта, основанная на изучении архивных первоисточников, позволяет сделать выводы, ведущие к деконструкции ряда стереотипов, которые укоренились как в историографии русской философии, так и на уровне широких общественных представлений о характере и инициаторах «возвращения» отечественной аудитории табуированного в СССР духовно-культурного наследия России, которое будто бы смогло начаться лишь в конце 1980-х годов исключительно благодаря «перестройке» и ее «прорабам».

Рукопись

***Г.Д. Гачев – т. Ю.В. Андропову. ¹
Москва, 27 января 1983 г.***

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Культурную общественность сейчас очень волнует то, что происходит вокруг издания тома сочинений Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие» в издательстве «Мысль», 1982 г.

Н.Ф. Федоров (1828-1903) – оригинальное и крупное явление русской и мировой мысли. Во второй половине XIX века он выдвинул смелые идеи, опередившие свое время. Среди них: регуляция природы силами объединенного человечества

с помощью науки и техники, выход в космос, объединение города и деревни, борьба с болезнями и смертью. Он выступил против милитаризма и войн, за разоружение и братство народов. В его учении нет и тени национализма. Демократ и защитник народных масс, он подверг резкой критике буржуазную цивилизацию. Однако, как и Толстой (что показал В.И. Ленин), Федоров стоял на позициях патриархального крестьянства, и его учение облекалось в религиозную оболочку. Но церковь решительно отмежеввалась от Федорова (как был отлучен и Толстой). Вот что пишет богослов Флоровский: «Словесно Федоров как будто в церковности и в православии. Но это только условный исторический язык... Божественному действию он противопоставляет человеческое... Он благодати противопоставляет труп» (Федоров. Соч. стр. 39).

Когда говорят: «Федоров», – сразу вспоминают его идею «воскрешения предков». Поначалу даже тянет рассмеяться над этим: вот чушь какая, бред! – Но не так-то всё просто. В его философской системе это – «регулятивная идея разума». Она играет роль нравственного «категорического императива» – не для одного лица, как у Канта, но для всего человечества. «Вы хотите жить долго? – Хорошо. – Хотите бессмертия? Хорошо. Допустим, какое-то будущее поколение этого достигнет. А как же отцы, мы, умершие? Хорошо ли будет вам блаженствовать на костях умерших поколений?..» – Таков ход нравственной логики Федорова. Но мы же не говорим, что философская система Канта рассыпается оттого, что его императив практически неисполним. Эта идея Федорова – одна из тех «безумных идей», которые, будучи положены в основание системы, позволяют по-новому объяснять реальные факты. Таковы у Декарта: «мыслю = существую», у Гегеля – Абсолютная Идея, а у Ньютона – постулат мгновенного действия сил в мировом

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295.

пространстве. Уж во всяком случае эта утопическая идея не может считаться реакционной. Она созвучна мечтам людей о бессмертии, что отразилось и в фольклоре (вспомним «мертвую и живую воду» народных сказок).

И вот почти через 100 лет, в наше время научно-технический прогресс достиг такого уровня, что стала возможной реализация некоторых смелых проектов Федорова. Человек вышел в космос, перед человечеством во всей остроте встала экологическая проблема регуляции природы, что может быть выполнено через прекращение войн и сосредоточение усилий народов на глобальных задачах. Пришла пора и учению Федорова сойти с полок библиотек: оно, в своем творчески-созидательном, преобразовательном пафосе, стало созвучно гуманным задачам нашего века. Поэтому совсем не случайно в 70-е годы его начали исследовать, появились публикации, статьи разных авторов: от философов – до литературоведов и искусствоведов. Исследования 70-х годов прочно утвердили Федорова в общественном мнении – как положительную ценность отечественной культуры¹. В Америке вышли 4 серьезные монографии о Федорове, в которых высоко оценено его современное научное значение. Наконец, у нас был издан том его сочинений, что явилось крупным событием в культурной жизни нашей страны. В книгу вошло основное из сочинений Федорова, вступительная статья и комментарии сделаны на высоком научном уровне, разъясняют сильные и слабые стороны его учения; их автор стоит на той позиции, что имеющиеся у Федорова консервативные и реакционные социологические идеи не должны зачеркивать главного и позитивного в его философии «общего дела».

Но вот в «Вопросах философии», № 12 за 1982 г. появилась рецензия на это издание члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского «Так ли надо относиться к наследству?». Рецензия написана в духе того нигилистического отношения к сложным явлениям культуры, которое уже не раз наносило нам вред (вспомним непонимание Достоевского в 20-50 годы, статью «Сумбур вместо музыки» о Шостаковиче и пр.). Микулинский отбрасывает Федорова в «дальний и темный закоулок», «тупик» русской культуры. Автор остался на газетно-памфлетном уровне, не проник за словесную оболочку к глубокому содержанию мысли философа, как если бы кто, читая Гегеля и встречая там везде «Абсолютную Идею», «объективный дух» и т.п. – сделал вывод: «Что вы там нас морочите! Какая там “диалектика”, “историзм”? Махровый идеализм – и всё тут!» Микулинский пишет: «Как видим, все начинается и все кончается у Федорова верой в воскрешение, и никакой тут науки, и никакого тут “с одной стороны – с другой стороны”» (стр. 155). Это – не ленинский подход к культурному наследству. Ленин в статьях о Толстом показывал, что как нужно бережно, именно «с одной и с другой стороны» подходить к сложным явлениям культуры.

Наши идеологические противники сейчас, говоря о некоем «международном терроризме», утверждают, что он будто бы имеет глубокие корни в русской общественной мысли и указывают на моменты нигилизма в традиции революционных демократов и народников, которую мы до сих пор только и брали на свое вооружение. Признавая ведущее значение этой славной традиции, ограничиваться лишь ею – односторонность. В русской культуре не только революционные демократы с одной стороны, а с другой – сплошные реакционеры и черносотенцы: там есть такие особые, значительные явления, так сказать, «срединного» плана, как Федоров. Неужели выгодно нам объявлять его врагом и тем обеднять нашу духовную культуру? Напротив, в подавляющем содержании своего учения Федоров – наш союзник: в призыве к народам мира заняться глобальными проблемами всей Земли – вместо гонки вооружений и проч. И нет у него никакого политиканства.

Между тем упростили, которых ещё немало в нашей культуре, не потрудившись вникнуть, стали шуметь: «монархист», «враг социализма» и т. п. Все

¹ О посвященных Н.Ф. Федорову публикациях, вышедших в 1970-е гг. в СССР, см.: *Черняев А.В.* «Создание сенсации»: общественная предыстория публикации «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие» (1970-1980) // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 324-341.

эти обвинения рассыпаются под лучом объективного анализа. Федоров выступал не против научного социализма – его он не знал, – а против «государственного», «католического», «протестантского», «катедер-социализма», что и разъяснено в комментариях на стр. 660. Когда Федоров писал о «самодержавии» – это совсем не означало апологии русского царизма. Это термин у него фактически – та же утопия «просвещенного монарха», «философа на троне», которую исповедовали Платон, Дидро, Вольтер. Мы же не называем их за это «монархистами» (см. комментарии на стр. 684).

Рецензент издевается над «мертвящим духом», что «веет» (стр. 156) от страниц, где Федоров пишет о кладбищах. Как можно так кощунствовать над святыми чувствами к умершим, павшим, что глубоко укоренены в сердцах, в традициях народа, среди которого живешь? Тогда на могиле Неизвестного солдата он ничего не почувствует, кроме «кладбищенского тлена и мертвящего духа»!

Я по отцу кровно связан с Болгарией: мой дядя, Георгий Гачев (1895-1925) – народный герой Болгарии, а отец, Дмитрий Гачев¹ (1902-1945) – видный деятель болгарской и советской культуры. Я часто бываю в Болгарии и знаю, как чтят там Федорова как поборника братства всех народов, в том числе русского и болгарского, как ученые ценят его философский анализ русско-турецкой войны 1877-78 гг., в результате которой Болгария была освобождена от турецкого ига. С большим интересом читали там статьи С.Г. Семеновой (которая подготовила том Федорова), приветствовали выход тома и собирались его переводить. В какое же недоумение они будут повергнуты после рецензии Микулинского, если она так и останется последним словом советской критической мысли о Федорове! Такая рецензия дискредитирует уровень советской философской культуры.

А теперь я обращусь к Вам как муж Светланы Григорьевны Семеновой, которая целиком подготовила этот том: составила, написала вступительную статью и комментарии, – и вот дело ее жизни зачеркнуто, а научное имя опорочено рецензентом: она поставлена Микулинским «вне науки» (стр. 157). С.Г. Семенова, 1941 г. рожд., дочь ветерана войны, кандидат филологических наук, защитила диссертацию «Философский роман французского экзистенциализма (Сартр и Камю)». Она работала зав. кафедрой иностранных языков в Литературном институте им. Горького при Союзе писателей СССР, великолепно знает иностранные языки, русскую и западную философию и литературу. Вот уже 10 лет она целиком посвятила себя изучению творчества Федорова в его связях с русской и мировой культурой. Она открыла рукопись 3-го тома «Философии общего дела», что является научным событием мирового значения. Она выступила с серией публикаций и статей, которыми теперь все пользуются. Она поистине – первопроходец здесь. В своих исследованиях она выявила позитивное ядро федоровского учения, показала влияние его идей на русскую и советскую культуру и, наконец, подготовила этот том и написала книгу о Федорове. В настоящее время Семенова – самый глубокий знаток и специалист по Федорову в мире!

И вот – она вышвырнута «вне науки»! Специалист высочайшей квалификации теперь должен превратиться в тунеядца. Раз о Федорове писать будто бы нельзя, а имя её обесчещено и дело опорочено в рецензии члена-корреспондента АН СССР Микулинского, – никто не будет отныне публиковать её работы. Издательство «Современник» уже возвращает ее книгу «На пороге грядущего».

С.Г. Семеновой – 41 год, она в расцвете творческих сил, ею накоплен и обдуман огромный материал, который должен войти в культуру. Что же ей теперь делать – уникальному специалисту, ученому, матери двух детей, оставшейся без источника труда и существования?

Заканчиваю. Надеюсь, что Вы поможете разобраться как в общекультурной ситуации с Федоровым, так и в научной и творческой судьбе С.Г. Семеновой.

Гачев Г.Д.

¹ Дмитрий Иванович Гачев – болгарский коммунист, с 1926 г. в СССР, выпускник Московской консерватории и Института красной профессуры, редактор Госиздата, в 1938 г. арестован, умер в заключении.

**Г.Д. Гачев – в отдел науки <и> высших учебных заведений>
ЦК КПСС т. С.П. Трапезникову,
копия – в отдел агитации и пропаганды т. Б.И. Стукалину.¹**

Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

Убедительно прошу разобраться в следующих вопросах. В Институте истории естествознания и техники АН СССР (директор – чл.-корр. АН СССР С.Р. Микулинский, парторг – Е.А. Беляева) уже второй месяц идут закрытые и открытые партсобрания, заседает партбюро – прорабатывают 5 ученых за то, что в июне 1981 г. они дали на запрос Госкомитета по печати свой компетентный отзыв о целесообразности издания сочинений Н.Ф. Федорова, который разошелся со мнением директора, и не поставили его об этом в известность. Это – профессор Б.Г. Кузнецов, всемирно известный ученый, Председатель международного Эйнштейновского комитета, доктор философских наук П.П. Гайденко, старшие научные сотрудники: канд. хим. Н. А.В. Ахутин, канд. филос. н. А.П. Огурцов, канд. хим. н., член Союза писателей СССР В.Л. Рабинович. Комитет по печати благодарил их за помощь, а сейчас им выносят взыскания, ставят под особый контроль их научные работы, угрожают особым вниманием отдела кадров и конкурсной комиссии – об этом прямо записано в 9 пунктах решения партбюро Института от

6 января, которое зачитывали на открытом партсобрании отдела Науковедения 20 января. Сотни человеко-часов уже потрачены на это устрашение, а директор все не унимается. Недавно при закрытых дверях (что у нас – беспрецедентно) обсуждали труд В.Л. Рабиновича, одного из подписавших отзыв, причем в накаленной атмосфере, под особым вниманием дирекции, люди ясно понимали, что, положительно оценив работу, ты заявишь себя врагом директора – и многолетний труд был отвергнут. <...>. Теперь ему спешно назначена переаттестация и грозит увольнение.

В Институте теперь – атмосфера страха и взаимной подозрительности, что напоминает времена лысенковщины, когда давалась прямая идеологическая квалификация тому или иному решению сложного научного вопроса, и ученых генетиков заставляли бичевать себя и каяться.

Злоупотребляя служебным положением, директор Микулинский давит иные точки зрения, которых он не разделяет, и те аспекты исследования, которых он не понимает. <...>. Из последних фактов: из статьи И.М. Забелина «Развитие географических идей и Вернадский»², Микулинский в верстке, без согласования с автором снял важнейший раздел о Н.Ф. Федорове под предлогом сокращения.

В отделе Науковедения 20 января 1983 г. состоялось открытое партийное собрание. Насколько я понимаю, открытые партийные собрания проводятся, чтобы дать беспартийным пример научной принципиальности и творческого подхода к обсуждаемому вопросу. Наше же собрание было, видно, созвано для того, чтобы проучить и застрашать всех на примере тех, кого вытягивали и заставляли каяться. Я выступил на этом собрании. Так как схема обвинения подписавших отзыв была такова: Федоров – это плохо; если Федоров и не так плох, то уж издан он плохо; значит, вы помогали плохому делу, – мне пришлось подробно рассмотреть эти аргументы. Не рассчитывая, что секретарь собрания точно воспроизведет мое выступление, я, придя домой, записал его и прилагаю тут. <...>.

Мое выступление на открытом партсобрании 20.1.1983.

<I.> Поставим прежде всего такой вопрос: богаче ли стала наша советская духовная культура с выходом тома сочинений Н.Ф. Федорова? – Двух мнений тут нет: безусловно, да. Федоров – мыслитель и легкий, и трудный. Он старался писать просто, его основной труд назван «Записки от неученых к ученым», – но за этой

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Ед. хр. 133.

² Имеется в виду публикация: Забелин И.М. Развитие географической мысли и В.И. Вернадский (к 120-летию со дня рождения) // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 1. С. 120-126.

простотой – огромная глубина и сложное философское содержание. А ведь поначалу, при поверхностном чтении, он может произвести даже шоковое впечатление: «бред какой-то!» и кажется совсем не философом. Нет привычных категорий: «субстанция», «субъект», «объект», нет «онтологии» и «гносеологии» и проч. Его мысль разворачивается в других категориях и направлениях: у него «проект», его мышление – проективно, он работает с аксиологическими понятиями (– ценностями, каких придерживается человечество), с «регулятивными идеями разума» (если употребить термин Канта).

Почему же Гегеля и Канта, чтобы их понять, штудируют годами, а тут прочитали наскоком – и считают, что уже разобрались? В текстах Федорова обманчивая простота, в них много уровней, и легко попасться в ловушку превратного толкования.

Например: идея «Воскрешения предков», над которой с такой легкостью потешаются. Но ведь это нравственный «категорический императив» для человечества. «Вы хотите долго жить? – Хорошо. – Хотите бессмертия? – Прекрасно. Допустим, какое-то будущее поколение этого достигнет. А как же отцы, мы, умершие? Хорошо ли вам будет блаженствовать на костях предшествующих поколений?» – Таков ход нравственной логики Федорова. Это – из тех «безумных идей», которые, будучи положены в основание системы, позволяют по-новому объяснять реальные факты. <...>.

У Канта категорический императив дан одному лицу, у Федорова – человечеству. Но мы же не говорим, что философская система Канта рассыпается оттого, что его императив практически неисполним. Это – философская идеализация.

Или – пресловутое «самодержавие». У Федорова по существу – та же известная в культуре утопия «просвещенного монарха», «философа на троне», как у Платона, Вольтера, Дидро. Мы же не называем их за это «монархистами». Так же и у Федорова – и совсем не означает апологию «русского царизма».

II. Теперь – второе: как сделан том?

Том сделан в высшей степени добротнo. Семенова – единственный в мире совершенный знаток Федорова, изучает его уже 10 лет, открыла считавшийся потерянным 3-й том «Философии общего дела», что есть действительно научная «сенсация» мирового значения. Она – человек высокой культуры. <...>. Надо сразу сказать – впрочем, тут все это знают – что Семенова – моя жена. Опроочен труд ее жизни. И защищаю здесь не только жену, но – ценного работника в нашей культуре.

И естественно, что, когда в серии «Философское наследие» возникла идея выпустить том Федорова, это дело было поручено Семеновой. Составление – точно выверено: на отведенном пространстве дано самое важное из двух томов и отрывки из неопубликованного, открытого Семеновой 3-го тома, – так что теперь по этому изданию можно получить полное и всестороннее представление об учении Федорова. Вступительная статья – это выжимка из ее книги в 400 стр. За каждой фразой стоит глубокое исследование. И главное – найден ключ. Я вспоминаю, как год, другой – грыз Гегеля – и не понимал, а вот встретился с Э.В. Ильенковым: он дал ключ – и всё просветилось. Также и Семенова: ее вступительная статья дает именно ключ, открывающий внутреннюю логику системы Федорова, его язык и связь идей, место в мировой философской традиции. <...>. Комментарии – очень квалифицированные. Это – первое научно прокомментированное издание Федорова. <...>. В комментариях к каждой части и статье Федорова предпослан емкий анализ, объяснены его своеобразные термины и понятия и дана критика слабых сторон (например: отношение к социализму – на стр. 660, или его понимание «самодержавия» – на стр. 684). Так что с полным правом можно утверждать, что это – научно сделанное издание, результат конкретно-исторического исследования.

Семенова одна сделала работу, которую бы делал целый сектор Института философии в течение лет пяти, получая большие зарплаты – и сделал бы хуже.

Далее. Издательство «Мысль» – не частная лавочка. Том и статью Семеновой читали и оценивали многие ученые. Среди них академики Митин и Ойзерман,

доктор философии Щипанов, кандидат философских наук Голованов – все делали замечания, статья каждый раз тщательно дорабатывалась ¹. Высокую оценку статье дали и доктора философских наук В.В. Соколов, М.Ф. Овсянников и др. <...>.

III. И вот, в 12-м номере «Вопросов философии» за 1982 г. появляется рецензия С.Р. Микулинского «Так ли надо относиться к наследству?» К сожалению, ее автор попался в ловушку обманчивой простоты текста Федорова и не вышел на философский пласт его учения. <...> Видно, что в философской системе Федорова член-корреспондент Микулинский ничего не понял. Его рецензия написана на газетно-памфлетном уровне и обнаруживает отсутствие элементарной культуры обращения с философским текстом.

Но это далеко не безобидное непонимание. Оно вводит в заблуждение читателя. «У нас после революции никогда не замалчивали его имя и сочинений», – пишет рецензент на стр. 153 и в подтверждение приводит две справки о Федорове в комментариях к книгам Достоевского и Горького, что в сумме составляет полстраницы текста – и это за 53 года! – ибо в 1970 г. в «Философской энциклопедии» Федорову уже уделена одна страница, а в «Истории философии в СССР в 1971 г. – целых 2 страницы! Как много! О Канте и Гегеле – сотни книг, а с русского мыслителя довольно будет и словарной справки с набором ярлыков, без всякого исследования! «И вдруг, – ужасается рецензент, – с 1976 по 1981 г. – поток апологетических статей ². В чем дело? Что произошло? Что заставило вдруг звонить во все колокола?» (стр. 153) – и усматривает в этом дешевую «сенсацию».

А «произошло» то, что к концу 50-х годов начали осуществляться многие, казавшиеся «безумными», из проектов Федорова. «Произошло» освоение космоса, резко встали экологические проблемы, о которых за сто почти лет до того так много писал Федоров, передовой край медицинской науки занялся проблемой продления жизни; угроза атомной катастрофы заставила вспомнить о глобальных ценностях и общих делах, связующих человечество – всех нас, землян. И в этой ситуации учение выдающегося русского мыслителя приобрело огромную актуальность – и уже «пошли руки» им заниматься, исследовать и марксистски осмыслить его сложное учение.

Рецензент продолжает грозно вопрошать: «Может быть, обнаружили новые материалы, неизвестные рукописи, или чье-то серьезное исследование показало, что о Федорове раньше писали неверно, не поняли сути его учения? Ничего подобного не случилось, ничего нового не открыли» (153). – Но ведь именно это и «случилось»: Семенова открыла рукописный 3-й том Федорова, выступила с рядом публикаций и именно серьезных исследований, и вот уже на их основе литературоведы: проф. Н. Скатов, проф. С. Сухих, философы Гречко и Епископосов ³ и др. опубликовали свои серьезные исследования о Федорове. Еще раньше вышла книга писателя Вл. Львова «Загадочный старик» – о Федорове. А о том, что найдено новое, прямо кричит последний раздел тома, названный: «Из неопубликованного», занимающий 50 страниц издания. Выходит, наш рецензент не потрудился даже и прочесть том, на который он принялся писать столь «авторитетную» рецензию. В примечаниях, на стр. 658 сообщается, что новонайденные «Материалы к третьему тому» составляют 800 + 200 – около тысячи страниц.

Рецензент обвиняет: «Характерно, что во всех статьях 70-80-х годов нет и тени полемики с ранее опубликованным в нашей философской литературе. Её просто обошли. И не случайно» (с. 153). – Правильно: потому что как раз не с чем и

¹ О процессе рецензирования и допечатной подготовки рукописи книги Н.Ф. Федорова «Сочинения» см.: Черняев А.В. Битва за публикацию «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие»: документальная история (1979–1981) // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 342–359.

² См. прим. 2.

³ О посвященной Н.Ф. Федорову публикации П.К. Гречко и Г.Л. Епископосова 1981 г. см.: Черняев А.В. Битва за публикацию «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие»: документальная история (1979–1981).

полемизировать: на одной чаше весов, до 70-х годов – полстраницы, в 70-71 – уже целых три! Где изложено все, что нужно знать о Федорове, и правильно навечно! – а на другой – сотни страниц публикаций и статей, серьезных исследований. Микулинский фактически выступил против всей литературы о Федорове и призывает вернуться к донаучному состоянию наших знаний о Федорове, когда о нем ограничивались лишь справками, ярлыками и «оценками». Особенно о правильной «оценке» хлопочет рецензент. Да разве наука – это комитет цен? При исследовании всегда идет «переоценка». Статья же Микулинского закрывает возможность исследования.

И, кстати, почему не упомянуты: писатель Владимир Львов, его книга, статьи Н. Скатова, космонавта Севастьянова ¹ и др., а единственно на Семенову обрушивается рецензент? – Но ведь те – деканы, лица значительные, а по женщине, не занимающей чиновного поста, можно бить смело! И, не решаясь уже бить прямо по Федорову, дискредитируют его через недобросовестную критику Семеновой. Вот примеры подтасовок. «Возьмем только один номер журнала «Наш современник» (1981, № 6). Какая россыпь неожиданных эпитетов: «гениальный русский философ», «гениальный учитель добра и гуманизма», «проектант космического будущего человечества» (стр. 152). Почему же не сказано, что это – слова летчика-космонавта СССР, дважды героя Советского Союза В.И. Севастьянова? Другой фамилии не названо, и читателю естественно принять это как слова той же злополучной Семеновой.

Или: рецензент хвалит статью о Федорове в БСЭ и противопоставляет работам Семеновой. Но статья в БСЭ сделана на основе статьи о Федорове в «Литературной энциклопедии» и статьи в «Прометее» №11, написанных Семеновой.

Рецензия вроде бы на издание тома Федорова, а нападает главным образом на статьи Семеновой в литературных журналах, посвященных не столько Федорову, сколько литературно-художественным вопросам, т. е. на то, что было до издания, и нет здесь анализа главного – вступительной статьи. <...>.

Федоров представлен в рецензии анекдотическим набором цитат, перемежаемых восклицаниями: «Как видим, все начинается и все кончается у Федорова верой в воскрешение, и никакой тут науки, и никакого тут “с одной стороны – с другой стороны”» (стр. 155).

Перед нами – образчик огульного отрицания. Это – не ленинский подход к наследству. В своих статьях о Толстом В.И. Ленин как раз продемонстрировал, как именно «с одной и с другой стороны» надо рассматривать сложные явления культуры. А тут – нигилизм по отношению к культурному наследству. Писаревщина. Ещё ниже – потому что у того хоть талантливо. Рецензент загоняет Федорова в «темный закоулок» и «тупик» русской культуры. Подобные нигилисты в свое время так подошли к Достоевскому – и в результате целое поколение советских людей его не читало. <...>.

Надо сказать, что такой нигилизм дает нашим идеологическим противникам карты в руки. Ведь свои обвинения нашей политики в «международном терроризме» они «научно» «подкрепляют» тем, что он будто бы имеет глубокие корни в русской общественной мысли. Вот почему такая фигура, как Федоров, с его беспощадной критикой насильственных методов в политике, милитаризма и войн, этот апостол мира и братства народов, призывающий заняться глобальными проблемами Земли, Космоса и человечества – такая фигура необычайно привлекательна и «выигрышна» для нас в современной идеологической борьбе. И забить ее в «темный закоулок» и в «тупик», – как это предлагает член-корреспондент Микулинский, – это нанесет нам большой ущерб.

И какой же итог? – «Вне науки»! Первое в мире научное издание сочинений Федорова – вышвырнуто из культуры, а Семенова, которая сделала этот том в

¹ О деятельности летчика-космонавта СССР В.И. Севастьянова в поддержку публикации книги Н.Ф. Федорова см. там же.

700 стр., по которому другие теперь будут защищать диссертации, опорочена так, что ее отныне печатать не будут: вот уже и ее книгу «На пороге грядущего» возвращают из издательства «Современник». Семенова живет литературным трудом. Дискредитировать ее имя – значит закрывать возможность публиковаться, значит – лишать ее источников существования.

Как у Микулинского нигилизм к наследству, так и бесхозяйственность в отношении нынешних творческих сил нашей культуры.

IV. Теперь – об экспертизе, которую дали Комитету по печати наши сотрудники. Это же – совершенно обычное дело! Мы все тут – специалисты с разным образованием и «профилем», и лишь одной стороной нас использует Институт,

а другими мы связаны с различными отраслями жизни и культуры, в которых участвуем: в комиссиях, редакциях, творческих объединениях, научных обществах. Как же можно это запретить и по каждому вопросу идти докладывать, просить разрешения у дирекции? А ведь Микулинский так ставит вопрос! Хочет прекратить все наши валентности с широким миром и стать нашим тотальным цензором. Член Союза писателей, научный сотрудник Института И.М. Забелин опубликовал статью в «Новом мире»¹ – ему тут же выговор за то, что не спросился у директора! Да что это такое? Мальчики мы, что ли? Учреждение у нас не секретное. Или вот сейчас: преследует сотрудников за ответ Комиздату за то, что не поставили его в известность. Тут – явное злоупотребление директора своим служебным положением.

Кстати, в случае с Федоровым создалась такая парадоксальная ситуация, что отдельные сотрудники в этом вопросе – компетентны, а Институт в целом (а значит – дирекция) – нет. Дело в том, что Федоров – универсальная, синтетическая фигура в культуре: его идеи касаются не только философии, но и искусства, и педагогики, и всей гуманитарной сферы. К естествознанию он повернут – важной, но одной своей стороной: как родоначальник философского космизма, идеями регуляции природы, экологии, ноосферы и пр. И потому, по профилю своему, Институт истории естествознания и техники не компетентен был вынести решающее суждение об издании, а вот его отдельные широко образованные сотрудники, в том числе и в гуманитарной культуре (каковы подписавшие письмо всеми уважаемые просвещенные люди) – тут как раз были в состоянии вынести компетентное суждение. Их отзыв – объективный и многосторонний, с учетом сильных и слабых сторон Федорова. Так в чем же дело? <...>.

Выдвигают аргумент: вы не имели права отвечать Комитету, так как вы – не специалисты по Федорову. Вроде бы на страже «строгой научности» тут стоит дирекция. – Но ведь специалистов по Федорову, кроме Семеновой, – вообще нет. <...>. Ведь постоянно в культуре и науке возникают новые явления, по которым никто не специалист, но смысл которых может быть понят просто умными и образованными людьми. Так что же – зажать им ум и рот, чтобы не смели высказываться? В таком научном климате будут процветать только трусы и люди, повторяющие общепринятое и зады, и никаких открытий делаться не будет.

Партийная организация могла бы поправить зарвавшегося администратора, который, верно, рассматривает Институт как навеки ему отданную вотчину – но она только поддакивает ему – как это мы видим на настоящем открытом партийном собрании отдела Науковедения.

В заключение – прошу:

1) Не оставить без внимания происходящее в нашем Институте.

2) Разъяснить директору пределы его власти, а сотрудникам – пределы их самостоятельности, потому что в нашем Институте администрация устраивает какие-то особые порядки и нравы, отличные от общих норм научных учреждений СССР.

¹ Имеется в виду публикация: Забелин И.М. Помпей гениального ума. «Размышления натуралиста» В.И. Вернадского и современная наука // Новый мир. 1979. № 4. С. 192-210.

3) Информировать сотрудников и общественность Института о вашей точке зрения и мерах.

4) Помочь в публикации книги С.Г. Семеновой «На пороге грядущего» в издательстве «Современник». Все официальные отзывы на рукопись – положительные, книга целиком подготовлена к печати, прошла редакторское одобрение, объявлялась в плане Издательства на 1981 год <...>; и вот в настоящее время без всяких оснований возвращается Издательством – Семеновой.

5) Рассмотреть вопрос об опубликовании в «Вопросах философии» рецензии с другим мнением о настоящем издании Федорова.

Список литературы

- Аннинский Л. 1992. Вертикальность горизонталей. В русском космосе Георгия Гачева // Свободная мысль, 8: 101–111.
- Байгушев А. 2006. Русский орден внутри КПСС. Помощник М.А. Суслова вспоминает... М.: Эксмо, 592 с.
- Болотов А.Т. 1986. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / сост., вступит. статья и примечания А. В. Гулыги. М.: Современник, 766 с.
- Борисов В. 1979. «Идеальный» библиотекарь / Альманах библиофила. Вып. 6. М.: Книга: 201–206.
- Визгин В.П. 2016. Лица и сюжеты русской мысли. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 360 с.
- Гаврюшин Н. 2000. По следам рыцарей Софии. М.: Стар Интер, 1998, 224 с.
- Гачев Г. 1984. Путешествие по страницам // Альманах библиофила. Вып. 16. М.: Книга, С. 33–41.
- Гачев Г. 1989а. Частная честная жизнь (альтернатива русской литературе) // Литературная учеба, 3: 119–128.
- Гачев Г. 1989b. Воспамятование об отцах. Документальное повествование // Дружба народов, 7: 161–223.
- Гачев Г. 1991. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 272 с.
- Гачев Г. 1996. Учение Н.Ф. Федорова как творение русского логоса // Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений. 8–10 декабря 1995. Вып. 1. М.: Наследие: 103–120.
- Гачев Г. 2000. Вадим – необходим (к 70-летию Вадима Валериановича Кожинова) // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 2 (31): 120–125.
- Гачева А.Г. 2018. Мама / Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сборник научных статей; отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект: 821–823.
- Микулинский С.Р. 1982. Так ли надо относиться к наследству? (По поводу выхода книги: Н.Ф. Федоров. Сочинения. Общая редакция А.В. Гулыги. Вступительная статья, примечания и составление С.Г. Семеновой. М., «Мысль», 1982, 711 с.) // Вопросы философии, 12: 151–157.
- Митрохин Н. 2003. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 624 с.
- Ранчин А. 1990. Национальный космос и личная мифология // Новый мир, 2: 257–260.
- Семенова С. 1977. К публикации статьи Н.Ф. Федорова о Фаусте // Контекст 1975. Литературно-теоретические исследования. М., Наука: 311–314.
- Федоров Н.Ф. 1982. Сочинения / Общ. ред.: А.В. Гулыга; Вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семеновой. М.: Мысль, 712 с.
- Федякин С. 1990. Против тирании абстракций // Литературное обозрение, 9: 67–68.
- Черняев А.В. 2024а. «Создание сенсации»: общественная предыстория публикации «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие» (1970–1980) // Тетради по консерватизму, 1: 324–341.
- Черняев А.В. 2024b. Битва за публикацию «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие»: документальная история (1979–1981) // Тетради по консерватизму, 1: 342–359.

- Черняев А.В. 2024с. «Случайное исключение или первая ласточка?» Как выходила в свет и была встречена книга «Сочинения» Николая Федорова: новые материалы (1982-1983) // Тетради по консерватизму, 1: 360-373.
- Черняев А.В. 2024d. «Остановить наступление активизировавшихся консервативных сил»: политическая подоплека антифедоровской кампании 1982-1983 годов // Тетради по консерватизму, 1: 374-384.
- Hagemeister M. 1989. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Sagner, V, 550 s.

References

- Annimsky L. 1992. Vertikal'nost' gorizontalej. V russkom kosmose Georgiya Gacheva. *Svobodnaya Mysl*, 8: 101-111.
- Baigushev A. 2006. Russkij orden vnutri KPSS. Pomoshchnik M.A. Suslova vspominaet... Moscow, Publ. Eksmo, 592 p.
- Bolotov A.T. 1986. Zhizn' i priklyucheniya Andrey a Bolotova, opisanny'e samim im dlya svoix potomkov. Moscow, Publ. Sovremennik, 766 p.
- Borisov V. 1979. «Ideal'ny'j» bibliotekar'. In: Al'manax bibliofila. Issue 6. Moscow, Publ. Kniga: 201-206.
- Vizgin V.P. 2016. Licza i syuzhety' russkoj my'sli. Moscow, Publ. Fond razvitiya fundamental'ny'x lingvisticheskix issledovanij, 360 p.
- Gavryushin N. 1998. Po sledam ry'czarej Sofii. Moscow, Publ. Star Inter, 224 p.
- Gachev G. 1984. Puteshestvie po straniczam. In: Al'manax bibliofila. Issue 16. Moscow, Publ. Kniga, 33-41.
- Gachev G. 1989a. Chastnaya chestnaya zhizn' (al'ternativa russkoj literature). *Literaturnaya ucheba*, 3: 119-128.
- Gachev G. 1989b. Vospamyatovanie ob otczah. Dokumental'noe povestvovanie. *Druzhba narodov*, 7: 161-223.
- Gachev G. 1991. Russkaya дума. Portrety' russkix my'slitelej. Moscow. Publ. Novosti, 272 p.
- Gachev G. 1996. Uchenie N.F. Fedorova kak tvorenie russkogo logosa. In: Filosofiya bessmertiya i voskresheniya: Po materialam VII Fedorovskix chtenij. December 8-10, Issue 1. Moscow, Publ. Nasledie: 103-120.
- Gachev G. 2000. Vadim – neobxodim (k 70-letiyu Vadima Valerianovicha Kozhinova). *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 2 (31): 120-125.
- Gacheva A.G. 2018. Mama. In: Moskovskij Sokrat: Nikolaj Fedorovich Fedorov (1829–1903). Sbornik nauchny'x statej. Moscow. Publ. Akademicheskij proekt: 821-823.
- Mikulinsky S.R. 1982. Tak li nado otnosit'sya k nasledstvu? (Po povodu vy'xoda knigi: N.F. Fedorov. Sochineniya). *Voprosy Filosofii*, 12: 151-157.
- Mitrokhin N. 2003. Russkaya partiya: Dvizhenie russkix nacionalistov v SSSR. 1953-1985. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 624 p.
- Ranchin A. 1990. Nacional'ny'j kosmos i lichnaya mifologiya. *Novy Mir*, 2: 257-260.
- Semenova S. 1977. K publikacii stat'i N.F. Fedorova o Fauste. In: Kontekst 1975. Moscow, Publ. Nauka, 311-314.
- Fedorov N.F. 1982. Sochineniya. Moscow: Publ. Mysl, 712 p.
- Fedyakin S. 1990. Protiv tiranii abstrakcij. *Literaturnoe obozrenie*, 9: 67-68.
- Chernyaev A.V. 2024a. «Sozdanie sensacii»: obshhestvennaya predy'storiya publikacii «Sochinenij» Nikolaya Fedorova v serii «Filosofskoe nasledie» (1970-1980). *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 324-341. (In Russian).
- Chernyaev A.V. 2024b Bitva za publikaciyu «Sochinenij» Nikolaya Fedorova v serii «Filosofskoe nasledie»: dokumental'naya istoriya (1979-1981). *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 342-359.
- Chernyaev A.V. 2024c. «Sluchajnoe isklyuchenie ili pervaya lastochka?» Kak vy'xodila v svet i by'la vstrechena kniga «Sochineniya» Nikolaya Fedorova: novy'e materialy' (1982-1983). *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 360-373.
- Chernyaev A.V. 2024d. «Ostanovit' nastuplenie aktivizirovavshixsya konservativny'x sil»: politicheskaya podopleka antifedorovskoj kampanii 1982-1983 godov. *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 374-384.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.06.2024

Поступила после рецензирования 19.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 19, 2024

Revised September 19, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Chernyaev, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading researcher, The Institute for Information Transmission Problems RAS, Moscow, Russia.